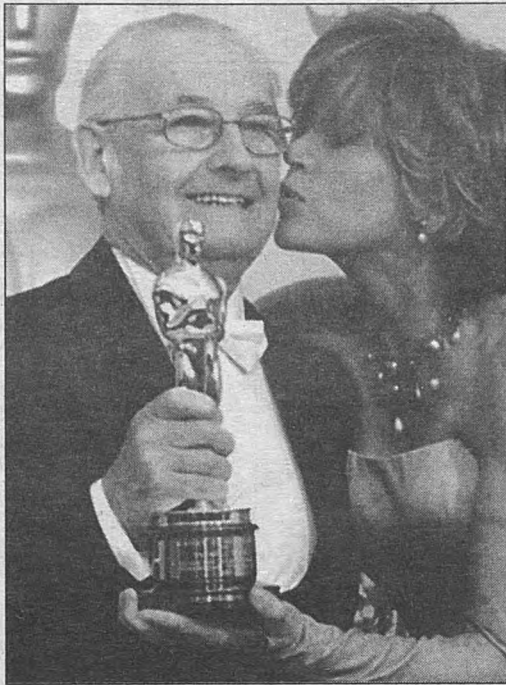


Андрей ВАЙДА: **"Уже десять лет у поляков нет алиби"**

В Петербург приехал Андрей Вайда, знаменитый польский кинорежиссер, лауреат "Оскара"

Сегодня в Союзе театральных деятелей состоится презентация его книги "Достоевский. Театр совести". Вайда - прежде всего режиссер общественно значимого, исторического и даже политического кино, который пытается разобраться в прошлом и настоящем своего народа. И даже пытается повлиять на его будущее. Ведь он непосредственно участвовал в революционных процессах, закрученных "Солидарностью", будучи в мозговом центре освободительного движения. А с его лидером Лехом Валенсой работал по сути как имиджмейкер. Мне часто приходится бывать в Польше, и в последней поездке мне довелось принять участие в беседе с этим польским художником и гражданином, чьи картины и театральные постановки повлияли не только на поляков, но и на нас.



- Пан Вайда, в России огромное число поклонников вашего творчества, и многих интересует, о чем вы размышляете, что хотели бы снимать, ставить в театре.

- Вообще-то говоря, ситуация сегодня для меня трудная по той причине, что польское кино после войны, то, что принято называть польской киношколой, в огромной степени основывалось на польской литературе. Причем не на старой, а на огромном количестве романов и рассказов, которые были написаны или во время войны, или сразу после. Все они касались войны, и это была наша тема. И наше кино никогда не достигло бы такого высокого интеллектуального и художественного уровня, если бы не наша литература.

Сегодня ситуация совершенно изменилась. Литература занялась сама собой. Это, конечно, свидетельствует о том, что существует свобода и писатели сами выбирают, что им близко. Но недостает литературы, которая передавала бы картину действительности.

Я сделал пятичастный фильм "Мои записки по истории", где рассказываю, как вижу историю Польши, иллюстрируя это моими фильмами разных лет. Все начинается с легионов Домбровского в Италии после Французской революции. Это мой фильм "Пепел". И заканчивается в 1980-м: рабочий Лех Валенса с большим карандашом, на котором изображен Папа Римский, подписывает соглашение с коммунистической властью (фильм "Человек из железа").

Оказывается, что мои фильмы (их свыше десятка) вписались в историю Польши. Но с 1980 года до сегодняшнего дня ее нечем иллюстрировать. Нет истории Польши. Я не сделал ни одного фильма о военном положении, о переломном этапе или о нынешнем времени.

Конечно, мне недостает сценаристов, с которыми я работал. Они ушли от нас. И это очень сложная для меня ситуация. Я остался один. Хотя в последние годы рядом со мной оказались прекрасные профессионалы. Такой команды у меня никогда

еще не бывало. В нашей профессии сегодня остались только настоящие профессионалы. Однако, к сожалению, нынче мне не хватает материала для того, чтобы снимать кино.

В течение последних двух с лишним лет, после "Пана Тадеуша", я работал как минимум над пятью темами. Но ни из одной не получился сценарий.

- Это современные темы?

- Две - современные. В поисках современной темы я пришел к мысли, что стоит самому узнать, чего ждет от меня публика, через Интернет. Узнать не то, что зрителю нравится, а что он ждет именно от меня. Это было мне вдвойне интересно.

Во-первых, потому что обычно с Интернетом имеет дело молодежь и хотелось узнать, принимает ли она меня еще как режиссера, рассчитывает ли на меня. Во-вторых, хотел узнать, какие темы молодые люди предлагают мне снимать. Мой вопрос в Интернете касался только современной истории. Я просил изложить сценарий на одной странице.

Пришло 700 ответов! Для Польши это невероятно большое количество. Через почту не набралось бы и трети.

И еще что интересно. Среди предлагаемых тем на первом месте - конфликт молодых с родителями, на втором - проблема устройства на работу, затем то, что не хватает времени, когда работаешь, ни на что другое.

Я попытаюсь сделать из этого фильм. И еще я давно хочу сделать фильм про Катынь, о смерти польских офицеров, потому что там погиб и мой отец, кадровый офицер. Но сложность здесь в том, что нет ни одного крупного литературного произведения о Катыни.

- Это понятно, еще недавно об этом нельзя было писать.

- Нет. Ведь у нас было много писателей в эмиграции. Просто думаю, что это наиболее сложная из тем. И сейчас я предпринимаю определенные усилия, чтобы родилось произведение, может быть, и в виде рассказа, по которому я мог бы снять этот фильм.

- А может быть, на уровне вашей славы, положения, таланта в нынешние времена надо искать не внутри страны, а внутри себя?

- Кино, мне кажется, это фотография. А фотография - это действительность. То есть я должен сфотографировать какую-то действительность. И я предпочитаю фотографировать действительность, которую знаю, чем ту, о которой только догадываюсь.

Например, за рубежом мне удалось сделать только один фильм - "Дантон". Почему? Потому что про революцию я знал больше, чем какой-либо французский режиссер. Потому что я видел события с "Солидарностью" и знал, что это закончится катастрофой. Я знал, в чем тут дело, какое лицо у революции, как выглядят в ней люди, я знал, почему они не спят,

дарности" ее лидеры, польские интеллектуалы, были убеждены, что, когда наступит свобода, все будут счастливы и каждый возьмет что-то от этой свободы для себя. Например, я буду делать такие фильмы, которые захочу, люди откроют магазины, мастерские, заводы, фабрики, банки. Свобода! Свобода!

Но оказалось, что свобода только для одной части людей, а другая часть находится в неволе. В неволе прошлого. Причем в двойной неволе. С одной стороны, потому что эти люди отвыкли от инициативы. Очень много оказалось тех, что просто живут на свете и не хотят, чтобы им давали инициативу. С другой стороны, ведь многие люди были заняты в промышленности, где в значительной степени была ориентация на войну. И когда война перестала быть актуальной, она оказалась не нужна.

А парадокс в том, что рабочие именно этой отрасли промышленности, которая тогда была ведущей, составили актив профсоюза "Солидарность", который потребовал изменений в стране и привел к ним.

Вообще-то, говоря о корнях польского свободолюбия, надо отметить, что в польской деревне никогда не было коллективизации. Там сохранились индивидуальные хозяйства и деревня была в определенном смысле местом нахождения независимости.

И еще очень важный момент - это костел. Он в Польше никогда не был государственным костелом. В итоге у партии свой центр был в Москве, а у костела - в Риме. Он получал инструкции оттуда. В такой ситуации интеллектуалы, художники у нас тоже обрели некоторую степень свободы, большую, нежели в других странах.

- А сейчас в какую сторону меняется польский характер?

- Интересный вопрос. Мы, польские артисты, режиссеры, писатели, поэты, художники, в период войны пять лет были под немецкой оккупацией. Потом была ситуация... (социалистическая. - Прим. авт.) какая была.

И всегда считалось, что поляки не могут отвечать за то, что происходит, потому что не они создали эту ситуацию. У поляков было прекрасное алиби.

Но вот уже десять лет алиби нет. И я думаю, что польская творческая интеллигенция могла бы уже сказать об этом обществе правду, что оно деморализовано и немецкой оккупацией, и последующим периодом (так называемым социализмом. - Прим. авт.). Эта деморализация сегодня очень осложняет нормализацию жизни.

И еще что плохо: политики, каждый, кто хочет сделать карьеру в Польше, спекулируют на бедных. Все защищают бедных - и правые, и левые. Чтобы набрать на выборах нужное количество голосов. И вот бедный, когда смотрит ТВ, начинает думать, что раз все его так защищают, то у него есть право валять дурака и даже красть. Он чувствует себя оправданным. Ведь все хотят ему помочь, но не могут. И он остается бедным.

Наша настоящая надежда в молодых людях. В частности, в тех, что прислали мне сценарии. В тех, кто хочет учиться. Сегодня очень увеличилось количество людей, которые стремятся в вузы.

Надежда и в том, что молодежь хорошо работает. У нас есть предприятия, которые стоят на собственных ногах. Но есть огромные предприятия, которые непонятно кому принадлежат или находятся под чрезмерным влиянием профсоюза "Солидарность".

Я с грустью вспоминаю ту "Солидарность", в которой была группа великодушных людей, что боролись за свободу. Сейчас же "Солидарность" на предприятиях или, как я вижу, в театре, не борется за свободу. Это то, что ведет к деградации окружающего.

Мы переживаем вообще очень болезненный процесс: как провести трансформацию и при этом не уменьшать, а увеличивать количество рабочих мест. И если бы об этом получилось сделать фильм, это оказалась бы по-настоящему большая и правдивая картина.

Павел ЯБЛОНСКИЙ
Варшава - Санкт-Петербург

**"Из Интернета
мне пришло
700 ответов!"**

не бриты, почему у них одышка. Поэтому мне удалось сделать фильм во Франции, по-французски, но введя польских актеров, которые навязали стиль. А иначе я для них просто турист, чужой, который что может о них рассказать?

- А почему о них?

- Ну, например, в Голливуде никогда не сделают фильм польской тематики - это никому не интересно. Суть в том, что эмигрировать - это значит стать тем, их режиссером. И во Франции мне не дали бы сделать фильм про "Солидарность", потому что это мало кому интересно. А для меня делать фильм о жизни французов... Тогда надо было бы уезжать еще после первого моего фильма (смеется). Но это было бы слишком рано, потому что мне было интересно, что же произойдет в Польше дальше.

- Что же принесла Польше свобода?

- Во времена борьбы "Соли-